

Как поучения этого старца, Зосимы... Очень глубокие. Но неестественно, что кто-то об этом рассказывает. Ну, конечно, великий инквизитор... Я читал только первый том, второго не читал».¹⁹⁰

Это не отменяет несомненного и сильного влечения Толстого к Достоевскому, острого желания разобраться в причинах колоссального успеха писателя у публики. Толстой часто восхищался религиозно-этическими воззрениями Достоевского, которые он старался приспособить для собственных просветительских и учительских целей. Многие Толстой отбрасывает и бракует (так он поступал всегда и со всеми), другое сокращает и переделывает, нисколько не стесняясь нарушения авторской воли, полагая, что тот, кто намерен открыть глаза людям, указать путь к чистой и трудовой жизни, не должен стесняться себя всякими мелочными, цеховыми соображениями. «Великий инквизитор» (в оценке его Толстой колеблется) для просветительских целей не годится: и сложно, и темно, да и Апокалипсис Толстой не любил. А вот поучения и рассказы Зосимы, отдельные главы «Мертвого дома» он с удовольствием включал в круг нужных всему человечеству художественных картин и мыслей.

Толстой в старости, почти на смертном одре, читающий последний роман Достоевского — картина, невольно настраивающая на торжественно-символический лад, вызывающая умиление. Однако сам Толстой редко умилялся, читая (а что-то и «пробегая») первый том «Братьев Карамазовых». Чем дальше продвигался, тем, кажется, сильнее росло сопротивление, неприятие, раздражение. Кульминации это неприятие достигло 23 октября. Толчком для взрыва послужило письмо из ссылки Н. Н. Гусева А. К. Чертковой от 27 сентября, пересланное ею Толстому. Гусев делился в письме своими впечатлениями от чтения «Дневника писателя» Достоевского (и приводил особенно возмущившие его цитаты), книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество» и книги А. С. Пругавина «Великие отщепенцы. Очерк современного сектантства и раскола».

О письме коротко упоминает Толстой в дневниковой записи за 23 октября: «От Гусева письмо его о Достоевском, как раз то же, что я чувствую». Маковицкий приводит слова Толстого, расшифровывающие эту запись: «Н. Н. Гусев пишет о Достоевском, возмущен им, выписывает места, где он оправдывает войну, наказание, Суды... Какое несерьезное отношение к самым важным вопросам! У меня было смутное сознание нехорошего у Достоевского».¹⁹¹ Еще подробнее об этом пишет Толстой Чертковой: «Случилось странное совпадение. Я, — всё забывши, — хотел вспомнить у забытого Достоевского и взял читать „Братьев Карамазовых“ (мне сказали, что это очень хорошо). Начал читать и не могу побороть отвращение к антихудожественности, легкомыслию, кривлянию и неподходящем отношении к важным предметам. И вот Николай Николаевич пишет то, что мне всё объясняет».

Необходимо здесь сказать о том, что Гусев неоднократно писал о Достоевском Толстому из ссылки, как правило, совсем в другом тоне. В письме от 3 ноября 1909 года он, восторженно оценивая произведения Достоевского, проводил прямые параллели с сочинениями Толстого: «...не знаю писателя, который бы так близко подходил к вашим взглядам, как Достоевский. Он один во всей русской печати понял и оценил, при появлении ее, глубокую религиозную идею, лежащую в основе „Анны Карениной“ и выраженную ее эпиграфом: „Мне отмщение, и Аз воздам“. И в „Записках из Мертвого дома“

¹⁹⁰ Булгаков Валентин. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Толстого. М., 1960. С. 392.

¹⁹¹ Там же. С. 393.